

- gaining by the Kyrgyz Republic its niche in the world tourist market (ecological, adventure and ethnographic tourism).

References

1. Atyshov, K. 1992. Potential of Natural Resources of Mountain Regions and Problems of Their Rational Use (Study Case of the Kyrgyz Republic). Doctoral dissertation paper in economical sciences. Dushanbe.
2. Bobushev, T. 2008. Bishkek, Kyrgyz Republic. *Basics of Mountain Tourism*.
3. Turusbekov, B., V. Fomin et al. 1970. Frunze, Kyrgyzstan. Resorts of Priissykkul.

Е. Г. Гарбузарова,

*аспирантка кафедры истории и культурологии
Кыргызско-Российского Славянского Университета*

Центральная Азия как геополитический феномен в системе международных отношений

После распада СССР интерес западных и региональных держав к Центральной Азии значительно возрос. Появилась возможность проникнуть в ранее закрытый регион и попытаться укрепить там свои позиции, учитывая геополитические, стратегические и ресурсные возможности независимых государств. Многие факторы и ключевые характеристики, которые не раз упоминали в своих трудах западные и российские историки, предопределили значимость региона в архитектуре международных отношений. Анализ географических и исторических аспектов региона объясняет растущий политический и экономический интерес США, России, Китая и других держав к государствам Центральной Азии и предпринимаемые ими попытки с целью снизить влияние соперников.

Центрально-Азиатский регион исторически находился в поле зрения великих держав и играл одну из ключевых ролей в мировой политике как связующий мост между цивилизациями. Уровень влияния на мировую политику процессов, происходящих в этом регионе, был весьма высок и неоднозначен. Л. Михайлов пишет, что «русская геополитическая школа традиционно называла Среднюю Азию ключом ко всей мировой политике» (19, с. 58).

Центральная Азия, представляющая по своей сути довольно однородный в пространственно-географическом отношении регион, расположилась в глубине Евразийского континента. На юго-востоке ее окаймляют Памир и Тянь-Шань, на севере и северо-западе окружают безводные пустыни и обширные степи, которые на западе доходят до Каспийского моря. В регионе расположены две водные артерии –

Аму-Дарья (Оксус) и Сырдарья (Яксарт). На протяжении многих веков эти условия способствовали развитию полноценной жизни кочевников. Постепенно развивались экономика, торговля, культура, последовательно определяя специфику региона. В XIX веке Центральная Азия оказалась в поле пристального внимания великих держав – России и Британии, которые изменили геополитическую обстановку в регионе. В этот момент под Центрально-Азиатским регионом понимали ту часть Азии, которая лежала между русскими и английскими владениями и охватывала районы Аму-Дарьи и Транскаспия, Бухару, Хиву и Коканд, а также Туркмению, Персию, Афганистан и памирские ханства (31, с. 2). К концу XIX века в среде российских и западных исследователей Внутренняя или Центральная Азия ассоциировалась с понятием Туркестан, который, в свою очередь, разбивался на три составляющие: так называемый российский Туркестан, китайский, включающий большую часть современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, и территории северного Афганистана (23, с. 84). Кроме того, Р. А. Пирс отмечает, что в западном употреблении нет комплексного понятия для этого региона: Туран, Туркестан, Российский Туркестан, Центральная Азия, Средняя Азия – все названия используются, но в различных значениях (39, с. 5). Другой британский историк, Дж. Н. Керзон, под Центральной Азией понимал Туркестан, Бухару, Коканд, Хиву, Восточный Иран, Афганистан, Памир, Кашгарию (24, с. 211). Взгляд на составляющие Средней Азии Дж. Н. Керзона схож с позицией А. Е. Снесарева, который под названием Средняя Азия понимал Туркестан с Памиром, Афганистан и Белуджистан, Восточную Персию, Кашгарию и, наконец, даже собственно Индию (1, с. 43). Автор в статье склонен придерживаться современной и наиболее распространенной трактовки определения Центральной Азии, когда под регионом понимают территорию пяти независимых государств – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана. При этом, для полноты исследования, невозможно не сказать о территории Ирана и Афганистана, специфика которых заключается в их географическом расположении на подступах к региону.

Геополитическая значимость Центрально-Азиатского региона, выполняющего роль связующего звена между Россией и Южной Азией, а также Средним Востоком и Китаем, заключается в его положении в сердце Евразии, что стало причиной для постоянного давления со стороны великих держав и приводило к территориальным изменениям. «Центральная Азия была континентальной зоной... единственным сухопутным путем, соединявшим Дальний Восток и Дальний Запад» (30, с. 87). Основные особенности региона – это его экономико-географическое положение, на стыке важнейших мирохозяйственных связей. Кроме того, регион богат различными источниками сырья и через него проходят транзитные маршруты. А. И. Фурсов, директор Института русской истории РГГУ, отмечает, что Центральная Азия лежала на пути важнейших «коридоров», тянувшихся с запада на восток. Северный коридор пролегал через Эгейское море – Черное море – «хазарские пути» – Среднюю Азию (Шелковый путь); средний – через Сирию – Месопотамию – Персидский залив, затем по морю можно было добраться до Китая, а по суше – через «багдадскую ветку» Шелкового пути через Хамадан, Нишапур, Мерв попасть в Центральную Азию – Бухару, Фергану, Кашгар – и в Китай; южный коридор пролегал через Нил – Красное море и по морю в сторону Индии (30, с. 87). Кроме того, удобный транспортный коридор проходил через афганские территории: Мерв – Кушка – Герат – Кандагар. М. Т. Кожекина и И. В. Федорова отмечали, что «Афганистан

привлекал пристальное внимание британских политиков, военных деятелей, ученых и публицистов прежде всего географическим положением, находясь на скрещивании важнейших путей, связывающих Индию, Иран, Центральную Азию и западные области Китая» (13, с. 14). Британия боялась, что Российская империя займет Герат и затем без особых усилий достигнет Кабула и Читрала, и сможет угрожать Индии (16, с. 75).

В XIX веке соперничество между Российской и Британской империей развернулось за достижение доминирования над транспортными коридорами, которые начинались на Ближнем Востоке и заканчивались в Центральной Азии. Однако не только выгодное геополитическое положение, реализация имперских амбиций, обеспечение безопасности, контроль над выгодными «коридорами» привлекли Российскую и Британскую империю в Центральную Азию, но и рассматривание региона в качестве неотъемлемой части мирового рынка. В капиталистическую эпоху Центрально-Азиатский регион был удобным рынком сбыта и источником сырья.

В итоге Центральная Азия становится центром мирового исторического развития и оказывается в такой ситуации, когда особое значение приобретает вопрос геополитического плана: в каком направлении пойти – на север к Российской империи или на юг к британской Индии. В первом случае Центральная Азия могла постепенно превратиться в регион с развитым сельским хозяйством и промышленностью, во втором случае – стать источником наживы для Британской империи. Тем не менее, выбор Центральной Азии не предоставлялся, Российская империя, по воле внешнеполитических обстоятельств, взяла на себя право выбора.

На первом этапе заинтересованности регионом Россия исходила из экономических устремлений. Еще Петром I было отмечено экономическое значение Центральной Азии для Российской империи. Геостратегическая программа Петра I заключалась в выходе к Индийскому океану, что открыло бы широкие возможности для торговли и экономики и увеличило возможность контактов с центральноазиатскими ханствами. Он намеревался открыть водный путь по Каспийскому морю в Индию через территорию Центральной Азии «для успешной русской торговли» (11, с. 50). Е. Марков отмечает: «Орлиный глаз Петра ... не мог, конечно, упустить из вида Каспий, этих естественных ворот к богатствам Востока» (18, с. 179). «Петр Великий имел намерение индийскую торговлю сделать собственностью России; он учредил ежегодное отправление караванов в Китай и Бухару... с тех пор Россия употребляет всевозможные усилия утвердить свое торговое владычество в Центральной Азии и Индии. Но в Бухаре и в Кабуле постоянно встречает противодействие Ост-Индийской компании» (12, с. 3). М. А. Терентьев подчеркивает, что центральноазиатские ханства были единственным для Российской империи путем в Индию и Китай. Они открывали богатые и пока недоступные для русской торговли страны (28, с. 19). После трагической попытки А. Бековича-Черкасского наладить контакты с Хивинским ханом Петр I взял курс на Персию. В 1723 году он присоединил к Российской империи прикаспийские владения Персии, которые впоследствии пришлось вернуть обратно, чтобы заручиться поддержкой шаха в борьбе с Турцией. В итоге ни одна из возможных геостратегических целей выхода к Индии не была достигнута, и эта идея оставалась долгие годы лишь привлекательной, но маловероятной в центральноазиатских планах Российской империи.

Тем не менее, не только налаживание экономических контактов посредством открытия водного пути в Индию интересовало Петра I, но и реализация задачи государ-

ственной безопасности. Защита южных рубежей империи диктовала необходимость активизации политики России в Центральной Азии. М. Грулев писал, что движение Российской империи в центральноазиатском направлении обуславливалось потребностью прикрыть с этой стороны ее владения от хищнических набегов полудиких кочевников (7, с. 6–7). А. Г. Брикнер, описывая период правления Петра I, отмечает, что перед царем стояла особая задача – расширить территорию Российской империи на юге и навести там порядок для успешной торговой политики, а также «поставить преграду азиатским варварам и выступить на Востоке пионером европейской культуры» (2, с. 555).

Современные британские исследователи продолжают поддерживать и развивать идею о появлении в 1725 году в Европе завещания Петра I. Последняя воля российского царя якобы заключалась в следующем: добиться мирового господства Российской империи, завладев Индией и Константинополем. Самого документа никто никогда не видел, и большинство историков утверждают, что его никогда и не существовало. Однако, как утверждает П. Хопкирк, «последующее движение Российской империи в сторону как Индии, так и Константинополя является подтверждением этого предположения» (34, с. 29). В противовес этим рассуждениям, К. Л. Есмагамбетов писал, что «использование фальшивого «завещания Петра Великого» было излюбленным приемом Англии для прикрытия своей агрессивной политики» (10, с. 81).

Если при Петре I основной задачей России было налаживание торгово-экономических контактов в Центрально-Азиатском регионе, а вопрос об обеспечении безопасности уходил на второй план, то в XIX веке он приобрел особое значение. В этот период Российская и Британская империи оценивали продвижение в Центральную Азию как задачу по сохранению или приобретению того состояния, которое позволит занять стойкие позиции на мировой арене и обеспечит надежную защиту их интересам. Для России – это укрепление национальной безопасности путем обретения естественных границ в Центрально-Азиатском регионе. Для Британии – это сохранение и защита Индии от возможного вмешательства извне путем обеспечения ее безопасности за счет получения контроля в Центральной Азии. Отсутствие четких региональных границ облегчало поставленные державами задачи. Карл И. Мейер и Ш. Б. Брисак подтверждают отсутствие устойчивых границ от Ирана до Тибета, когда у британских и российских солдат, ученых и шпионов была возможность путешествовать по труднопроходимым горным местностям в поисках необходимой информации (38, с. 75). То есть Центральная Азия приобрела для России и Британии такое значение, что они рассматривали свое влияние на этот регион как существенное с точки зрения сохранения собственной силы и безопасности.

Во второй половине XIX века Китай также был заинтересован обстановкой в Центрально-Азиатском регионе в связи с потерей своего влияния в Восточном Туркестане и образованием мусульманского государства Йэтишшаар. В последующем Китаю, не без помощи России, удалось стабилизировать ситуацию на своей западной периферии. Кроме того, вскоре после этого китайское правительство стало претендовать на территории Памира, посчитав, что территориальные договоры, заключенные с российской стороной, были неравноправными. В XXI веке территориальные вопросы были урегулированы, однако проблемы в Восточном Туркестане (современный СУАР),

а именно постоянный рост сепаратизма, имеющего глубокие исторические корни, продолжают создавать напряженность в регионе.

В XIX веке вопрос об обеспечении безопасности на южных окраинах и поиск естественных границ были неотъемлемой составляющей русской внешнеполитической стратегии в условиях нарастающей агрессии Британской империи, которая постепенно укрепляла свои позиции на Востоке. Впервые геополитическая концепция естественных границ была выдвинута М. И. Венюковым. Он утверждал, что «девятнадцатый век есть век окончательного раздела земной суши между большими народностями», что, оценив ситуацию, следует задуматься над тем, чтобы «государственная и национальная область наша (Российская империя – Е. Г.) могла считаться естественным целым, что всякая прибавка к нему или отвержение от него той или другой местности влекли за собою существенный ущерб для интересов народа русского» (5, с. 124). М. И. Венюков считал, что основной геополитической задачей Российской империи является движение вперед и «установление более удобной границы для охраны от вторжения хищников с юга» (25, с. 71), а «естественные границы» Российской империи «простирались до Хорасана и Гиндукуша» (6, с. 173), следовательно, «новые территории, приобретаемые русскими, являются в полном смысле слова продолжением России» (15, с. 49). А так как Россия исторически призвана жить со степным народом, как утверждает известный историк Л. Н. Гумилев, в симбиозе, то именно российская культура призвана дополнить и обогатить культуру номадов. Л. Н. Гумилев отмечает, что восточные славяне и тюрки-степняки кыпчакской языковой подгруппы образуют единый евразийский суперэтнос (8, с. 543). Так как этнокультуры России и Востока имеют равновесное состояние, то по своей геополитической направленности Россия должна, в первую очередь, устремиться на Восток, а затем – на Запад. М. И. Венюков приходит к выводу, что «Россия должна исполнить свое призвание: занять Туркестан сполна» (6, с. 198). Для этого необходимо активизировать действия Российской империи в Центральной Азии, что, по его мнению, могло ослабить влияние Британии в регионе и сделать ее более лояльной при обсуждении международных вопросов, что дало бы возможность решить восточный вопрос в выгодном для России направлении. М. И. Венюков был уверен, что на тот момент Российская империя обладала необходимым внешнеполитическим потенциалом для реализации своих национальных интересов. В первую очередь, это был шанс доказать международному сообществу, что Россия, несмотря на социальную отсталость и проблемы во внутренней политике, может активно осуществлять внешнюю политику. Поражение в Крымской войне заставило Россию переосмыслить и определить приоритеты на перспективу, вспомнить о наличии государственных интересов, в первую очередь связанных с предотвращением военной угрозы или ущемлением суверенитета (имелась в виду Британская империя); сохранением союзников, а в данном случае – их приобретением вблизи своих границ на просторах Центральной Азии и, безусловно, достижением выгодного положения на международной арене, то есть взятием реванша за поражение в Крымской войне. Конкретное же выражение государственного интереса находит в постановке целей и задач внешнеполитического курса. В этой связи М. И. Венюков рассматривал продвижение Российской империи в Центральную Азию как одну из главных национальных задач.

Нельзя сказать, что российское правительство полностью отвергло предложения М. И. Венюкова. В процессе противостояния Британской империи в Центральной Азии

русская дипломатия усмотрела выгоду для достижения привилегий в европейских делах. Более того, агрессивная политика англичан и их подрывная деятельность на всех интересовавших Российской империю направлениях заставили русских принять ту же тактику. Если Британия наступает и прикрывается «оборонительной политикой», то Российская империя будет наступать, защищая свои национальные интересы в значимых для государства международных вопросах. «Если Англия исходила из методов наживы в Центральной Азии, то Россия, обретя свои «естественные границы», из стратегии безопасности» (4, с. 11). Взгляды М. И. Венюкова четко обрисовывали Центрально-Азиатский регион как жизненно важное геополитическое пространство для Российской империи. Не все английские исследователи рассматривали политику России в Центральной Азии как агрессивную, а, наоборот, поддерживали мнение, что, «начиная с правления Петра I, Россия старательно продвигалась в Центральную Азию, ценой огромных жертв, минуя степи, которые то и дело ставили перед ней преграды. И вот они остались позади, а мы (русские – Е. Г.) достигли бассейна двух великих рек, чьи воды омывали густо населенные и плодородные регионы. Мы имели право на поиск компенсации за жертвы и труд... мы имели право достичь безопасной границы путем выдвигания наших постов у вершин Гималаев, естественного барьера между российскими и английскими владениями. И когда бы мы достигли этой точки, тогда бы мы спокойно могли смотреть на развитие Британской империи» (42, с. 257), потому что тогда бы Российская империя почувствовала, что она обрела свои естественные границы, тем самым укрепив свою безопасность.

Исторической миссией России признавалось создание надежной защиты юго-восточных рубежей от вторжения неприятеля с этого направления, так как в памяти у русских до сих пор сохранилось нашествие монголов, сметающее все на своем пути. В итоге главной целью Российской империи было предотвратить возможное вторжение с юга, что требовало активного продвижения вглубь региона до естественных границ: гор, рек, морей – которые могли обезопасить государство от потенциальных противников.

Геополитическую значимость Центральной Азии подчеркивал военный министр Д. А. Милютин и один из известных русских геополитиков А. Е. Вандам. Д. А. Милютин отмечал, что у Российской империи действительно не было «определенной государственной границы» (3, с. 34) в Центральной Азии. Он ратовал за приобретение твердых позиций в Туркестане, рассматривая это действие как приоритетную геополитическую цель в связи с противодействием русской внешней политике, осуществляемой Великобританией (22, с. 110). М. Д. Милютин призывал к решительным действиям в Центральной Азии, независимо от позиции Британии, и замечал: «Англичане не оглядываются на нас, завоевывая целые царства, занимая чужие города и острова, и мы не спрашиваем у них, зачем они делают это» (21, с. 692). А. Е. Вандам, как и Д. А. Милютин, указывал, что Великобритания является основным геополитическим и геостратегическим противником России, а Россия, в свою очередь, представляет преграду для Великобритании в ее действиях по достижению мирового господства (22, с. 119). А. Е. Вандам писал, «что полная удаленность Британии от мировых торговых трактов, т. е. моря, и суровый климат страны обрекут ее на бедность и невозможность развить свою деловую энергию, вследствие чего, повинувшись законам природы и расовому инстинкту, англичане неудержимо будут стремиться к югу, ведя наступление обеими оконечностями своей

длинной фронтальной линии» (26, с. 156). Однако А. Е. Вандам подчеркивал: «Россия велика и могущественна. Моральные и материальные источники ее не имеют ничего равного себе в мире, и если они будут организованы соответственно своей массе, если задачи наши будут определены ясно и точно, и армия и флот будут в полной готовности в любую минуту выступить на защиту наших правильно понимаемых интересов – у нас не будет причин опасаться наших соседей» (26, с. 158–159).

В целом, начиная с XIX века Центральная Азия привлекала внимание практически всех российских выдающихся деятелей: политиков, дипломатов, военных и ученых, которые выступали за активную наступательную политику России в Центральной Азии как весомый контраргумент, способный защитить как международные, так и национальные интересы. Отвечая на вызов времени, перед которым стояла Российская империя, они сформулировали и обосновали целый ряд идей, которые отчасти были компилированы и усвоены западной геополитической мыслью, отчасти похоронены под грузом исторических обстоятельств ушедшего века (17, с. 58).

Геополитическая значимость Центральной Азии рассматривалась британскими внешнеполитическими деятелями с позиции основоположника британской геополитики Х. Маккиндера, концепция которого состоит в том, что географическое положение и географические факторы страны «оказывают непосредственное влияние на ход исторического процесса и определяют потенциальную силу и слабость государства» (36, с. 213). По мнению Х. Маккиндера, Евразия является «Хартлендом» – сердцевиной земли, осевой областью истории. Х. Маккиндер называл «Хартленд» величайшей природной крепостью на земле, а Центральную Азию как горный регион – неотъемлемой частью этой крепости, неприступной для нападения (33). В границы «Хартленда» входят территории, недоступные морской державе, от Европы до Тихого океана, следовательно, это удобный географический плацдарм, откуда можно контролировать весь мир. Центральная Азия, являясь частью «Хартленда», с древности оказывает влияние на мировую политику. Завладев Центральной Азией, богатой природными и людскими ресурсами, государство откроет себе путь к мировому лидерству. Х. Маккиндер подчеркивал, что во второй половине XIX века и в начале XX века морские коммуникации потеряли свое прежнее значение, так как резко возросло значение суши (20, с. 32). На суше постепенно распространяла свое влияние Российская империя и приближалась к «Хартленду». Великобритания с южного направления двинулась навстречу. Менялось равновесие сил в мире, и та держава, которая займет «Хартленд», получит огромные территориальные привилегии и откроет перспективы для создания мировой империи. Х. Маккиндер опасался, что Россия может захватить стратегические зоны «Хартленда» – Дарданеллы, Османскую империю и приблизится к Индии (36, с. 350). Он утверждал, что Россия пытается овладеть прибрежными странами с незамерзающим морем, однако на этих прибрежных странах основано господство Великобритании, и «изменение соотношения сил в этих странах должно подорвать позиции Великобритании» (22, с. 60). Концепция Х. Маккиндера указывала на то, что серьезной преградой для доминирования Британии в мире выступала Российская империя. Следовательно, появлялась необходимость нейтрализовать контроль Российской империи над «Хартлендом» и не допустить ее доминирования над Мировым островом. Однако Российская империя была готова отстаивать собственные интересы как в центральноазиатской, так и в ми-

ровой политической и экономической архитектуре. Тем не менее, можно согласиться с Т. И. Исмагамбетовым, который утверждает, что одной концепции Маккиндера для объяснения геополитических особенностей Центрально-Азиатского региона недостаточно. Наличие степей, разнообразных ландшафтов: пустынь, полупустынь, высоких гор – определяют геополитическое единство региона, его приоритетность и значимость в мировой политике (9, с. 362).

Стремление Британии овладеть Центрально-Азиатским регионом можно объяснить с позиции Дж. Р. Сили. Центральная Азия выступала определенным защитным поясом на пути в Индию, поэтому обеспечение безопасности этого «органичного продолжения своей территории» (41, с. 54) для Британии приобрело особое значение. Дж. Р. Сили стоит у истоков концепции о доминирующем положении Британской империи в мире, так называемой идеологии *Rex Britannica*. По его мнению, империи складываются не в результате целенаправленной политики экспансии, а как естественный ход истории, так как многие колонии были приобретены случайно. Он подчеркивал, что Индия и другие колонии Британской империи должны консолидироваться и образовать единое государство, которое поможет ей стать мировой державой, набрать силы и противостоять Российской империи (41, с. 233). Российская империя стремилась в Центральную Азию, чтобы обрести «естественные границы» и обеспечить безопасность своему государству. Британская империя пыталась установить контроль над Центральной Азией, чтобы не допустить Российской империи к Индии как «естественной части» своего государства. Однако исторически сложилось так, что евразийская миссия и природно-географические факторы диктовали необходимость присоединения Центральной Азии к Российской империи. Несмотря на то, что политическое руководство Британской империи рассматривало свою страну как преемника древнего Рима, считая, что их государство призвано играть господствующую роль в мире, оно, тем не менее, не учитывало того, что Британия находилась за пределами «Хартленда» и могла подчинить Центрально-Азиатский регион своему влиянию, только развязав разрушительную войну (27, с. 24).

Нет сомнения в том, что «Большая игра» (Great Game), как принято называть геополитическое соперничество великих держав в Центральной Азии, продолжается в XXI веке. Питер Бробст отмечает, что «Большая игра не закончилась с падением британского правления в Индии в августе 1947 года», новый раунд начался с развалом СССР на фоне растущего радикального исламизма, угроз мирового терроризма и потенциальных возможностей Китая как экономического и военного лидера. По его мнению, дуга нестабильности начинается от Персидского залива, проходя через Афганистан и Кашмир, и доходит вплоть до Непала и Бирмы (32, с. 13). Частично поменялись игроки, но цель осталась одна – добиться непоколебимого господства в Центрально-Азиатском регионе. Проводя параллели с сегодняшней геополитической борьбой держав, где место Британии заняли США, необходимо подчеркнуть, что именно географический фактор играет доминирующую роль в судьбе центральноазиатских государств. Оказывая значительное воздействие на ход международных отношений, данный фактор определяет отношения между мировыми и региональными государствами. Центральная Азия активно втянута в мировой политический процесс, являясь ключевой фигурой различных проектов и концепций: Большая Центральная Азия, Стратегия Евросоюза,

Шанхайская организация сотрудничества и так далее (29). Бесспорным является тот факт, что Центральная Азия занимает важное положение во внешней политике США, России, стран Европейского союза и других региональных государств. Выступая в качестве движущих сил политических, экономических и культурных процессов, они определяют будущее Центрально-Азиатского региона. Военное присутствие США и России в регионе, направленное на стабилизацию межгосударственных отношений, во многом определяет баланс сил и интересов. Февральское заявление 2009 года президента КР К. С. Бакиева о намерении закрыть американскую базу в «Манасе» (Центр транзитных перевозок) могло существенно дестабилизировать сложившуюся балансовую систему. Для американцев ЦТП дает широкие возможности переброски американских и натовских войск в Афганистан (35) для борьбы с террористическими группировками талибов и «Аль-Каиды». Афганистан, как и прежде, имеет значимое положение в системе международных отношений, являясь виновником трансформационных процессов в регионе. Сами американцы называют ЦТП узловым пунктом в борьбе с международным терроризмом (37). После того, как Узбекистан в 2005 году принял решение закрыть американскую базу в Карши-Ханабаде, для США роль киргизской базы стала более весомой. Благодаря настойчивости американского правительства Кыргызстан дал согласие на дальнейшее использование ЦТП (43). Однако арендная плата за базу поднялась с 17,5 до 60 миллионов долларов в год. Договор также базируется на условиях транспортировки только невоенных грузов. Многие западные аналитики оценили действия Кыргызстана и Узбекистана по намерению закрыть американские базы как результат давления со стороны России. Пол Гобл, специалист по евразийским делам, подчеркнул, что это «результат ожесточенной борьбы между Вашингтоном и Москвой за влияние в Центральной Азии» (40). Несмотря на все доводы, ситуация повторяется: в XIX веке Британия пыталась подчинить своему влиянию юг Евразии, а сегодня США, будь то НАТО или американские военные базы, все ближе и ближе подходят к границам России. Как в XIX веке Британская империя препятствовала и тормозила процесс включения территорий Центральной Азии в состав Российской империи и угрожала ее безопасности, так и в XXI веке «одним из приоритетов американской политики в Центральной Азии является отрыв государств региона от интеграционных процессов с Россией» (14).

В итоге Центральная Азия, на территории которой некогда пересеклись геополитические, геостратегические и экономические интересы ведущих игроков мира: Российской и Британской империй – продолжает оставаться в поле зрения мировых держав, являясь исключительно важным узловым пунктом международной политики. В XIX веке выгодное географическое положение Центральной Азии как неотъемлемой части «Хартленда» было выгодно как Российской империи, так и Британии. Обе державы, помимо реализации целей по обеспечению безопасности, были нацелены на богатые ресурсы региона и возможности свободной транзитной торговли между Западом и Востоком. В XXI веке круг заинтересованных регионом держав значительно расширился. США имеют значительные интересы и проекты в отношении государств Центральной Азии. Россия, как и прежде, исходит из интересов стабильности и безопасности на ее южных границах, не исключая заинтересованность ресурсным потенциалом региона. Возрождающийся Китай также проявляет попытки укрепить свои позиции в регионе,

исходя из наличия общей границы с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, а также необходимостью координации общих региональных проблем, связанных с исламским фундаментализмом, уйгурским сепаратизмом и налаживанием взаимных торговых контактов.

Литература

1. Афганские уроки: выводы для будущего в свете идейного наследия А. Е. Снесарева. – М.: Военный университет, Русский путь, 2003.
2. *Брикнер А. Г.* Иллюстрированная история Петра Великого. – М.: Эксмо, 2007.
3. *Булхак Н. В.* Военно-дипломатическая деятельность государственных органов России по обеспечению приоритета своей страны в решении «Восточного вопроса» в XIX веке (07.00.02): Автореф. дисс. докт. ист. наук. – М., 2006.
4. *Венюков М. И.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии. – СПб., 1876.
5. *Венюков М. И.* Поземельные приобретения и уступки России за последние тридцать лет. 1850–1880 // Русская мысль. – 1880. – № 4. – С. 115–129.
6. *Венюков М. И.* Поступательное движение России в северной и восточной Азии // Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. – СПб., 1877.
7. *Грулев М.* Соперничество России и Англии в Средней Азии. – СПб., 1909.
8. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. – М.: Айрис-пресс, 2004.
9. Диалог цивилизаций на Великом Шелковом пути. Центральная Азия: вчера, сегодня, завтра // Материалы международной научной конференции. Бишкек, 26–27 сентября 2001 г. – Бишкек, 2002. – С. 359–371.
10. *Есмагамбетов К. Л.* Действительность и фальсификация (Англо-американская историография о Казахстане). – Алма-Ата: Казахстан, 1976.
11. *Жантуаров С. Б.* Киргизия в период колонизации Туркестанского края // Рукописные фонды отдела общественных наук АН КР, инв. № 3017.
12. Из краткого обозрения всей восточной торговли с самого ее зарождения, составленного П. Глебовым от 6 февраля 1848 года // ЦГИА Груз. ССР, Ф. 4. Оп. 6. Д. 91.
13. *Кожекина М. Т., Федорова И. Е.* Политика Великобритании и США на Среднем Востоке в английской и американской историографии (очерки). – М.: Наука, 1989.
14. *Князев А.* Вашингтон в Киргизии не достиг желаемого результата. URL: http://www.ng.ru/courier/2007-05-14/17_bakiev.html
15. *Лурье С. В.* Русское колониальное сознание и этнополитическая реальность Закавказья // Восток. – 1993. – № 3. – С. 42–51.
16. *Мак-Грегор Дж.* Оборона Индии: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии: В 2 ч. – СПб., 1891. – Ч. 1.
17. *Максименко В. И.* Россия и Азия, или анти-Бжезинский (очерк геополитики 2000 года) // Восток. – 2000. – № 5. – С. 48–61.
18. *Марков Е.* Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге: В 2 тт. – СПб., 1901. – Т. 1.
19. *Михайлов Л.* Российский фактор в Центральной Азии // Международные процессы. – Т. 3. – 2005. – № 2 (8). – С. 56–68.
20. *Моро-Дефарж Ф.* Введение в геополитику. – М.: Конкорд, 1996.
21. *Нарочинский А. Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. – М., 1956.
22. *Нартов Н. А., Нартов В. Н.* Геополитика. – М.: Издательство политической литературы, 2007.
23. Новая Большая игра в Большой Центральной Азии. Мифы и реальность. – Бишкек, 2005.

24. *Омаров Н. М.* Государства Центральной Азии в эпоху глобализации: поиск стратегий развития. – Бишкек, 2008.
25. *Ремнев А. В.* Центрально-азиатский имперский треугольник в геополитической конструкции М. И. Венюкова // Россия – Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности. Материалы семинара «Безопасность в «контактных зонах» Азиатской России и Центральной Азии: опыт и практика регулирования этнополитических напряжений». – Барнаул, 2002.
26. *Романов И., Забаев И., Чернов В.* Геополитика России. Стратегия восточных территорий / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008.
27. *Ротштейн Э.* Внешняя политика Англии и ее критики. 1830–1950. – М.: Прогресс, 1973.
28. *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии: В 3-х тт. – СПб.: Типография В. Б. Комарова, 1906. – Т. 1.
29. *Улунян А.* «Большая Центральная Азия»: Геополитический проект или внешнеполитический инструмент? URL: <http://strata.jofo.ru/blog/2008/4/4>
30. *Фурсов А. И.* Срединность Средней Азии: Долгосрочный взгляд на место Центральной Азии в макрорегиональной системе Старого Света // Русский исторический журнал. – Т. 1. – № 4. – Осень, 1998. – С. 81–99.
31. *Boulger C.D.* England and Russia in Central Asia: In 2 v. – London, 1879. – V. 1.
32. *Brobst P.J.* The future of the Great Game: Sir Olaf Caroe, India's Independence, and the Defense of Asia. – Akron: University of Akron Press, 2005.
33. *Fettweis C.J.* Eurasia, the «World Island»: Geopolitics and Policymaking in the 21st Century // <http://www.globalresearch.ca>
34. *Hopkirk P.* The Great game. The Struggle in Central Asia. – New York, 1994.
35. Kyrgyzstan president signs law to close USA base // <http://www.voanews.com/english/archive/2009-02/2009-02-20-voa14.cfm>
36. *Mackinder H.J.* On the Scope and Methods of Geography in Democratic Ideals and Reality. - New York: W. W. Norton & Company, 1962.
37. Manas air base in Kyrgyzstan is major hub in afghan war effort // <http://www.voanews.com/english/archive/2009-02/2009-02-14-voa3.cfm>
38. *Meyer K. E. and Brysac S. B.* Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia. - Washington, DC: Counterpoint, 1999.
39. *Pierce R.A.* Russian Central Asia 1867-1917. A study in colonial rule. – University of California Press, 1960.
40. Plans to close U.S. air base threaten military supply route to Afghanistan // <http://www.voanews.com/english/archive/2009-02/2009-02-26-voa37.cfm>
41. *Seeley J.R.* The Expansion of England. Two Courses of Lectures. – London: Macmillan & Co. limited St. Martins, 1914
42. *Skrine F.H., Poss E.D.* The Heart of Asia. A history of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the earliest times. – London: Methuen & Co., 1899.
43. US, Kyrgyzstan reach deal on airbase // <http://www.voanews.com/english/archive/2009-06/2009-06-23-voa14.cfm>